

IV.

О б щ е с т в о.

Мы уже знаемъ, что бояринъ только выѣзжаетъ въ экипажѣ или ѣздитъ верхомъ. И лошадь такъ же богато убрана, какъ ея хозяинъ. Конь и всадникъ составляютъ одно. Сѣдло покрыто сафьяномъ или шитымъ золотомъ бархатомъ, чепракъ также изъ драгоцѣнной ткани, уздечка серебряная, и вездѣ бусы, цѣпочки, бляхи, колокольчики, чуть ли не до самыхъ копытъ. Все звенить и играть. Слышно издали, что ѣдетъ важный бояринъ, и прохожіе сторонятся. Экипажъ, большею частью, представляетъ собою сани, такъ какъ даже лѣтомъ не любили ѣздить на колесахъ: сани были важнѣе. Такія сани, узкія и длинныя, предназначались собственно только для одного человѣка. Однако, двое слугъ кое-какъ пристраивались у господина въ ногахъ, и зимою вмѣстѣ съ нимъ почти исчезали подъ грудю мѣховъ. Возница садится верхомъ на запряженную лошадь, которая также гремитъ бубенцами; лѣтомъ она украшена перьями, а зимою кунными и лисьими хвостами. Бояринъ ѣдетъ въ гости. При приближеніи къ дому, который онъ хочетъ почтить посѣщеніемъ, у него является вопросъ этикета: гдѣ ему сходить съ коня или вылѣзть изъ саней? Если домъ принадлежалъ человѣку болѣе знатному, чѣмъ гость, то лошадь останавливали у воротъ. Въ Кремль могли въѣзжать только самые знатные люди, но никто не смѣлъ, подъ страхомъ кнута, проѣхать черезъ весь его дворъ. Отправляясь къ равнымъ себѣ, доѣзжали до крыльца. Тутъ гостя встрѣчаетъ самъ хозяинъ или какой-нибудь слуга, сообразно съ обстоятельствами и правилами строго соблюдаемаго церемоніала. Вошедши въ домъ, бояринъ крестится на иконы, прикасаясь двумя пальцами правой руки къ полу. Затѣмъ онъ подходитъ къ хозяину и обмѣнивается съ нимъ привѣтствіями, отъ простого пожатія руки до поклона въ ноги, согласно различію положенія. Все урегулировано до мельчайшихъ подробностей. Даже первыя слова являются стереотипными формулами, церемонными и искусственно-смирненными: «бюю челомъ благодѣтелю...» «прости меня, скудоумнаго...» Обращаясь къ служителю алтаря, необходимо было назвать себя «окаяннымъ грѣшникомъ», а священника величать «учителемъ православія» и «блустителемъ свѣта истиннаго». Съ подобнымъ же ломаньемъ принимали угощеніе или откланивались, начиная снова съ иконъ, какъ при входѣ.

Встрѣчи въ общественныхъ мѣстахъ требовали меньше этикета и церемоній; но онѣ были рѣдки. Знатные люди не ходили въ публичныя бани, хотя мыться ежедневно или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ въ недѣлю было принято во всѣхъ классахъ. Но самый скромный дворянинъ имѣлъ свою баню. Если русскій человекъ чувствовалъ себя нездоровымъ, онъ выпивалъ рюмку водки, настоенной на чеснокѣ или перцѣ, и заѣдалъ лукомъ: послѣ этого онъ шелъ въ баню. Это было средствомъ противъ всѣхъ болѣзней; только нѣкоторые вельможи довѣряли врачамъ, да и то не очень; притомъ врачи въ то время были рѣдки и всѣ—иностраннаго происхожденія. Первый лекаръ, пріѣхавшій въ Москву съ женой Ивана III, Софьей Палеологъ, былъ казненъ за неудавшееся леченіе. Это не могло служить для другихъ поощреніемъ. Все же, при Иванѣ IV составилъ врачебный персоналъ, гдѣ съ нѣмцемъ Елисеємъ Бомелиусъ соперничали четыре англичанина: Стэндишъ, Эльмсъ, Робертсъ и аптекаръ Френсгемъ. Но всѣ они вмѣстѣ не могли бы заставить русскаго человека проглотить пилюлю или поставить себѣ клистиръ.

Кромѣ бань, общественная жизнь сосредоточивалась на пирахъ, которые давались не рѣдко и были двухъ родовъ: частныя пиршества отличались отъ общественныхъ, которыя устраивались группами, сообществами и носили названіе *братчинъ*. Родня и друзья пировали по поводу большихъ праздниковъ и семейныхъ событій—въ родѣ свадьбы, крестинъ, похоронъ. При дворѣ устраивались пиры при вѣнчаніи на царство, поставленіи новаго митрополита, при пріемѣ иностранныхъ пословъ. Вопросъ о *мѣстахъ* пріобрѣталъ здѣсь огромную важность и часто кончался ссорами или кровопролитной схваткой. Впрочемъ, считалось хорошимъ тономъ заставлять себя упранивать сѣсть на верхнемъ концѣ стола, на подобающее мѣсто. Обыкновенно, ѣли вдвоемъ съ одного блюда, брали куски пальцами, а кости складывали на тарелки, которыя только для этого и служили и не смѣнялись въ теченіе всей трапезы. Хозяинъ раздавалъ хлѣбъ и соль и посылалъ нѣкоторымъ знатымъ гостямъ лучшіе куски. Количество перемѣнъ было невообразимо, и продолжительность пира, въ соединеніи съ необыкновеннымъ приготовленіемъ многихъ блюдъ, приправленныхъ лукомъ и чеснокомъ, съ запахомъ гнилой рыбы, наполнявшимъ воздухъ, со множествомъ обязательныхъ возліяній и, наконецъ, съ непристойными выходками большинства гостей, становилась для иностранцевъ совершенно невыносимою. Случалось, что даже женщины,

пировавшихъ отдѣльно, развозили по домамъ безъ сознанія. Если хозяйка на другой день посылала спросить о здоровьѣ, было принято отвѣчать, намекая на широкое гостепріимство: «ужъ такъ была весела что и не помню, какъ домой воротилась».

У людей набожныхъ молитвенные обряды страннымъ образомъ примѣшивались къ попойкамъ; духовенство, приглашенное и посаженное на почетное мѣсто, платило за угощеніе молитвами и разными обрядами, благословеніемъ блюдъ и питій, кажденіемъ ладана по всѣмъ комнатамъ дома. Иногда, какъ въ монастыряхъ, на столъ ставили ковчежецъ съ «просфорой Пр. Богородицы». Во время пира пѣли молитвы. Въ прихожей кормили нищихъ; нѣкоторыхъ даже сажали за столъ. Въ иныхъ домахъ, напротивъ, пиръ переходилъ въ оргію. Раскрывались двери терема, появлялись женщины. Музыканты и скоморохи забавляли гостей. Раздавались непристойныя пѣсни.

У крестьянъ пирушки носили имя «пива», потому что при этомъ испрашивалось особое разрѣшеніе приготавливать крѣпкіе напитки: пиво, настойки, меды, которые составляли предметъ монополіи. Это разрѣшеніе давалось на три дня или даже на цѣлую недѣлю по поводу большихъ праздниковъ, а затѣмъ фискальные агенты опечатывали напитки и до слѣдующаго праздника.

Братчины назывались также *ссытными* (отъ глагола *ссытатъ*). Должно быть, первоначально дѣлались взносы зерномъ, ссыпаемымъ въ кучу. Подъ предсѣдательствомъ выборнаго *старосты* эти коллективныя организаціи пользовались правомъ собственной юрисдикціи, слѣды чего сохранились до XVIII вѣка: ссоры между участниками этихъ собраній не подлежали общему судопроизводству. Сложилась даже пословица: «съ нимъ пива не сварить»; она указываетъ на характеръ этихъ возліяній, связанныхъ съ идеей совмѣстнаго дѣйствія, союза. Тутъ крестьяне и вельможи встрѣчались на равныхъ правахъ; но еще чаще, нежели на пирахъ частныхъ, здѣсь происходили сцены буйства, кровавыя ссоры и даже убійства. Поэтому благочестивые люди, обыкновенно, не принимали въ нихъ участія. Тамъ пили безъ мѣры. Уже Владиміръ сказалъ: «Руси веселіе—пити, не можетъ безъ того быти». Радость, любовь, расположеніе—цѣлая гамма чувствъ находила себѣ выраженіе въ винѣ. Напивались до полусмерти, чтобы выразить свою дружбу гостю или любезному сотоварищу. И ѣли до отвала, поглощая приготовленныя съ чеснокомъ шучьи головы, рыбныя похлебки съ шафраномъ, заячьи почки на молокѣ и съ имби-

ремь. Все это было приготовлено особымъ способомъ, съ множествомъ пряностей, жгло небо и требовало обильныхъ возліяній. Въ большомъ употребленіи были вина венгерскаго происхожденія и рейнскія, искаженныя названія которыхъ трудно порой узнать. Напр., подъ именемъ *Петерсемена* надо разумѣть Peter Simons Wein—рейнское вино, ввозимое голландскимъ купцомъ Петромъ Симономъ; пили французскія красныя и бѣлыя вина; бургундскія,—между которыми фигурировала *Романя*; теперь въ русскихъ кабакахъ подъ этимъ именемъ извѣстна настойка изъ водки на ягодахъ; знали мальвазію, аликанте и другія испанскія вина. Для церковныхъ требъ шли исключительно французскія вина. Выписывали также въ большомъ количествѣ изъ-за границы водку и романейскій и рейнскій уксусъ. Обычнымъ народнымъ напиткомъ былъ *квасъ*; итальянецъ Тетальди говорить, однако, еще о другомъ употребительномъ питъѣ, куда входила сушеная овсяная мука и которое онъ называлъ *толокномъ*. Но въ русскихъ источникахъ о немъ говорится, какъ о пищевомъ продуктѣ.

Была ли привычка къ неумѣренности такимъ общераспространеннымъ явленіемъ? На этотъ вопросъ свидѣтельства даютъ такіе же разнорѣчивые отвѣты, какъ и на всѣ остальные. По словамъ англичанина Дженкинсона на Руси царило бы пьянство, если бы даже самъ Иванъ IV ничего не пилъ. Совершенно обратное мы читаемъ въ запискѣ, составленной въ Любекѣ въ 1567 г. по поводу предполагавшагося отправленія нѣмецкихъ пословъ ко двору того же Грознаго. Тамъ указывается посламъ на необходимость строгой воздержанности въ питъѣ, такъ какъ пьянство считается въ Московіи величайшимъ порокомъ. А, между тѣмъ, авторъ записокъ—негоціантъ, который долго жилъ въ Москвѣ (Форстенъ, Балтійскій вопросъ, I, 475). Литовецъ Михалонъ, котораго можно считать вполне безпристрастнымъ, говорить то же самое. Правда, онъ же утверждаетъ будто на Руси не существуетъ кабаковъ—что явно противорѣчитъ истинѣ. По словамъ Тетальди, въ концѣ царствованія Ивана IV торговать спиртными напитками разрѣшено было въ Москвѣ только въ одномъ пригородѣ. Герберштейнъ, Гваньино и Олеарій также упоминаютъ о немъ, при чемъ каждый изъ нихъ искажаетъ имя этого пригорода, производя его отъ слова *наливать*. Настоящее его названіе было: *Наливки*; онъ поглощенъ теперь городомъ, но до сихъ поръ о немъ напоминаетъ церковь Преображенія на *Наликахъ*. Торговля крѣпкими напитками, повидимому, была сосредоточена въ извѣстный моментъ въ этомъ мѣстѣ

старого города. Между тѣмъ, другіе города и села пользовались въ этомъ отношеніи полною свободой подъ защитою кабаковъ, умножавшихся вездѣ въ интересахъ фиска. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мірскіе интересы боролись съ правилами стѣснительной морали и порождали компромиссы, которые могли ввести въ заблужденіе наблюдателей.

Какъ можно легко себѣ представить, Церковь преслѣдовала кабаки; но если даже судить по ея собственнымъ словамъ, ея поученія и проклятія, обыкновенно, имѣли весьма слабое дѣйствіе. Соборъ 1551 г. оставилъ намъ картину нравовъ, которая свидѣтельствуеетъ о крайнемъ развратѣ, особенно въ низшихъ классахъ. Нѣкоторые ночныя игрища, устраиваемыя въ честь христіанскихъ праздниковъ, сливались съ традиціями языческаго культа. Таковъ былъ, напр. Ивановъ день и праздникъ Ярилы,—славянскаго Пріапа. Тутъ пьянство вело за собою всѣ другія формы разврата. Мужчины и женщины, парни и дѣвушки проводили ночь въ какомъ-нибудь отдаленномъ мѣстѣ, плясали, пѣли, предавались всевозможнымъ излишествамъ. Мы читаемъ въ протоколахъ Собора о томъ, какъ на зарѣ они бѣгутъ съ дикими криками къ рѣкѣ купаться всѣ вперемежку, а, когда заблаговѣстятъ къ утрени, возвращаются домой въ полномъ изнеможеніи.

Очень характерно также, что члены Совѣта и всѣ духовные писатели того времени настойчиво указываютъ на существованіе содоміи.

Но мы знаемъ, что Церковь была очень, даже слишкомъ требовательна. Она со своей стороны грѣшила чрезмѣрной строгостью и осуждала всѣ формы общественности. Какъ удовольствія, такъ и мірское искусство одинаково воспрещались ею. Она преслѣдовала и скомороховъ. Народное преданіе, имѣющее религіозную подкладку, утверждаетъ, будто діаволъ принялъ видъ скомороховъ и бродячихъ фигляровъ, чтобы соблазнять человѣческія души. Но и безъ помощи діавола скоморохи нерѣдко мошенничали, даже грабили. Они стояли внѣ закона и вели себя соотвѣтствующимъ образомъ. Ради своей собственной безопасности они кочевали съ мѣста на мѣсто «ватагами» въ тридцать, въ пятьдесятъ человѣкъ и тогда ихъ приходилось опасаться. Будучи, въ своемъ родѣ, артистами, они дали начало развлеченіямъ, составляющимъ неотъемлемую часть жизни культурныхъ народовъ. Они разыгрывали комедіи, и народный театръ полу-

чить свое начало отъ ихъ смѣшныхъ и грубыхъ представленій. Но у нихъ были соперники, которыхъ съ одинаковымъ рвеніемъ преслѣдовала Церковь: это были вожаки медвѣдей, медвѣжатники.

Медвѣдь игралъ большую роль въ московской жизни того времени. По-своему артистъ, онъ не только былъ наученъ всевозможнымъ продѣлкамъ, но фигурировалъ, какъ главное лицо, въ разныхъ роляхъ комическаго репертуара, очень любимаго толпою. Онъ изображалъ то судью, изрекающаго нелѣпыя приговоры, и желающаго, чтобы ему подмазали лапу, то обманутаго и побитаго мужа, русскаго Полишинеля и Станареля. Но ему случалось выступать и въ трагической роли. Тогда любили физическія упражненія и борьбу всѣхъ родовъ: состязанія въ бѣгѣ, въ верховой ѣздѣ и въ стрѣльбѣ изъ лука, турниры всадниковъ, подхватывающихъ кольца на копье,—кулачные бои и бои на дубинахъ. Но больше всего любили травлю медвѣдя собаками, борьбу его съ другими звѣрами и, особенно, съ человѣкомъ. Вооруженный рогатиной, человѣкъ старался вонзить ее въ грудь своему ужасному противнику въ ту минуту, когда звѣрь поднимался на заднія лапы. Стоило промахнуться, и ему грозила опасность быть разорваннымъ на куски, что и случалось нерѣдко. Бойцы, большею частью, выбирались между царскими псаями, но въ списокъ самыхъ знаменитыхъ изъ нихъ мы находимъ также аристократическія имена. Такъ, князь Гундоровъ пожалованъ былъ въ 1628 г. кускомъ голубой камки за убитаго въ единоборствѣ медвѣдя; а боярскій сынъ Ѳеодоръ Сытинъ былъ растерзанъ въ 1632 г. во время менѣе счастливой борьбы.

Дѣла чести рѣшались также съ помощью кулачной или палочной расправы; прибѣгать въ этомъ случаѣ къ мечу не было въ обычаѣ. Этого достаточно, чтобы понять, насколько грубъ и дикъ былъ этотъ формирующійся социальный строй, и какъ далеко онъ стоялъ отъ изящныхъ формъ, уже сложившихся на Западѣ. Ничто не напоминало здѣсь тѣхъ дворцовъ Франціи и Италіи, гдѣ послѣ танцевъ и игры вели оживленную бесѣду; гдѣ особенно цѣнились гости, умѣющіе рассказать съ пріятностью анекдотъ и остроумно пошутить; гдѣ умѣли любоваться прекрасными предметами, несмотря на то, что еще не знали комфорта; гдѣ поэтически любили и ненавидѣли умно, и гдѣ послѣ ссоры, убивали другъ друга у порога дома, такъ же благородно, какъ и жили. Тамъ, въ расцвѣтѣ новаго искусства, созданъ свой идеалъ красоты и граціи; здѣсь народный духъ выработалъ совершенно противоположный типъ, который пользовался любовью народа и былъ тер-

пимъ духовенствомъ. Я говорю о бродягахъ, называемыхъ *юродивыми* или *блаженными*. Это были ясновидцы и чудотворцы самаго грубаго пошиба, которые пользовались народною довѣрчивостію, чтобы скрывать свои плутни подъ видомъ сумасбродной суровости и яко бы чудотворной силы. Они ходили неодрѣтыми въ самые большіе холода съ развѣвающимися, всклооченными волосами; притворялись, что не нуждаются ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ, а сами заходили въ лавки и брали даромъ все, что имъ было нужно. И это считалось залогомъ благоденствія, благословіемъ неба. Они слыли за святыхъ. Они пользовались правомъ говорить правду въ глаза самимъ государямъ, и мы увидимъ, какъ однажды Грозный, вступивъ въ споръ съ однимъ изъ нихъ, долженъ былъ отступить передъ его смѣлой рѣчью. Церковь терпѣла ихъ и даже отводила имъ мѣсто въ раю. На торжественныхъ похоронахъ блаженнаго Василия, — того самаго, во имя котораго выросъ шедевръ Бармы и Постникова на Кремлевской площади — самъ Иванъ несъ на своихъ плечахъ гробъ «святого».

Я сказалъ довольно, чтобы читатель могъ измѣрить пропасть, отдѣлявшію Европу отъ этого угла европейскаго міра въ тотъ моментъ, когда онъ готовъ былъ вступить въ соприкосновеніе съ сосѣдними культурами. Теперь будетъ понятенъ мой дальнѣйшій разсказъ о развитіи русскаго общества *).

*) Спр. общаго хар.: *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VII, гл. I; *Карамзинъ*, VII, гл. IV; *Костомаровъ*, Монографіи, XIX; *Забѣлинъ*, Домашній бытъ царей и царицъ — Источники: Флетчеръ, Дженкинсонъ, Ченслеръ (*Hakluyt*), *Petreus*, *Rer. Ross. scriptores exteri*; *Ulfeld*, *Hodeporicon (Старческій)*, *Michalon*, *De Moribus Moscorum*, Bâle, 1615; *Mayerberg*, *Voyage en Moscovie*, *Bibliothèque russe et Polonoise*, I et II; *Buchau* (*Daniel Printz*, v), *Moscoviae artes et progressus*, *Scriptores rerum livonicarum*, II; *Tetaldi*, по Шмурло, СПб., 1891; *Vigenère*, *Description du royaume de Pologne et des pays adjacents*, 1573. Наконецъ, Домострой.